

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Д В О Е

Рассказ

Из книги «Бакинцы»

Третью ночь подряд Баширу снился один и тот же кошмарный сон, будто его богатый приятель-бизнесмен по фамилии Маймаков, с которым, кстати, они в последнее время не так уж часто пересекались, внезапно сошел с ума, тронулся, чокнулся, свихнулся, ополоумел, окончательно потерял контроль над собой и оставил ему, Баширу, половину всего своего движимого и недвижимого имущества, в числе которого имелись два известных в городе дорогих бутика женской одежды (верхней и нижней), находившихся на одной из центральных улиц и приносящих огромный – черт его знает, какой! – доход. Башир во сне держал в руках документы, подтверждающие такое неожиданное и, мягко говоря, – странное решение своего, ставшего в одночасье скорбного главой приятеля, тупо смотрел на бумаги, в которых ничего не смыслил, но, тем не менее, отчетливо видел несколько подписей: нотариуса – раз, свихнувшегося хозяина движимого и недвижимого – два, и свою закорючку, которую он никогда в жизни не ставил на подобные бумаги – два с половиной. И каждый раз в шесть утра, как он привык просыпаться после службы в армии, оставшейся в далеком прошлом, в молодости, каждый раз после этого сна в шесть утра он просыпался в холодном поту, все еще лихорадочно соображая, как распорядиться таким огромным состоянием, неожиданно свалившимся на его голову и, чувствуя давящую на него ответственность, которую никогда в жизни не испытывал, привыкнув жить беззаботно, насколько это позволяли ему его прожитые пятьдесят два года и небольшая зарплата на работе в музее литературы, где он пребывал после окончания университета, почти, можно сказать, не продвигался по службе и ждал, когда подойдет его пора получать пенсию, хотя работа его была вовсе не обременительной, но долгожданная пенсия могла бы, как он думал, освободить его и от такой, необременительной.

На третье утро, после ночного просмотра ужасного сна, он все-таки решил позвонить своему приятелю миллионеру; два утра он усиленно обдумывал, обкатывал, обсасывал эту мысль: звонить – не звонить, но вот на третье решил посоветоваться с женой.

– Позвони, – посоветовала жена, подумав. – Вреда не будет.

Приятель его, Маймаков, ответил сразу же, но, услышав первые несколько слов Башира (который сразу же, как воспитанный человек, назвал себя), тут же перебил его:

– Я тебе перезвоню, – торопливо бросил он и дал отбой.

Башир же подумал, что при его занятости и богатстве, он вряд ли перезвонит, но ответный звонок к великому изумлению Башира последовал буквально через минуту.

– Извини, дорогой, не мог говорить, – прогрохотал в трубке жизнерадостный голос, привыкший приказывать. – Я тебя слушаю.

– Да я просто так позвонил, – промямлил Башир.

– Просто так?! – весело-удивленно спросил голос Маймакова, не привыкшего, чтобы ему кто-то звонил просто так.

– Просто хотел узнать – у тебя все в порядке?

– Все отлично, слава Богу, спасибо, – торопливо пророкотал голос, по которому легко было догадаться, что человек этот не привык терять ни минуты. – А ты как?

Башир, немного поговорив с Маймаковым на общие темы и не желая отнимать у него время, все-таки решил еще раз уточнить:

– Значит, у тебя все в порядке?

– С головой, что ли? – весело отозвался Маймаков, давая понять, что при всем своем высоком полете все же не потерял чувства юмора.

И тут Башир вспомнил, что во сне у него Маймаков вот уже третью ночь подряд скоропостижно впадает в идиотизм, и проговорил:

– Сегодня ночью я тебя во сне видел, вот решил узнать...

– А-а! – вдруг взорвалась трубка. – Смотри ты! Я ведь тоже видел тебя во сне, и уже три ночи подряд! Представь себе... Здесь с делами замотался, а ты мне напомнил...

– А что ты видел? – затаив дыхание и уже предчувствуя нечто очень странное, спросил Башир.

– Ты не поверишь! Видел, будто я спятил и отписал тебе половину моего состояния! Ха-ха-ха! И бумаги видел, и подписи, все как в реальности... Э, ты слышишь?

– Да, да, – пролепетал ошарашенный Башир, – слышу...

Башир и Маймаков были знакомы с детства, учились в одной школе, в одном классе и жили по соседству. Маймаков, вопреки своей откровенно красноречивой фамилии¹, рос бойким, шустрым мальчиком, был забиякой и задирой, сразу же отбил охоту у классных остроловов издеваться над его фамилией, укоротив её до имени (Маймак), доказав, что характер его абсолютно не совпадает со значением и смыслом фамилии, и с самого начала знакомства с полной ему противоположностью тихоней Баширом, взял добровольное шефство над безответным и безобидным одноклассником, которого часто обижали, доводили до слез, на что он не мог ответить, а только глотал слезы обиды в начальных классах и убегал от обидчиков, замыкался в себе, став чуть постарше. Маймаков же охотно лез в драку за униженного друга, порой даже с несколькими мальчишками сразу, будь то в школе, или на их неспокойной, хулиганской улице, где было вполне привычным явлением, что подростки в драке пускают в ход кастеты и украдкой курят слабый наркотик – анашу. Маймаков не был хулиганом, но не выносил несправедливого отношения, как к себе, так и к своему кроткому другу. В старших классах дружба их стала несколько прохладной, потому что Маймаков теперь предпочитал дружить с девочками, своими сверстницами, а Башир, обычно ждал друга с очередного свидания и с жадным любопытством выслушивал его признания.

– В этот раз не повезло, – горько сетовал юный Казанова, любвеобильный Маймаков, стараясь казаться старше и опытнее своих лет.

– А что? – с плохо скрываемым злорадством спрашивал Башир.

– Да что... – начинал откровенничать Маймаков, – еле уговорил её подняться со мной в нагорный парк, посидели на скамейке... – Шестнадцатилетний Маймаков вытаскивал из пачки дешевую сигарету, прикуривал, пускал дым из носа, как заправский курильщик, интригуя не договаривал.

– Ну, ну!.. – нетерпеливо выждав маленькую паузу, подгонял его сгоравший от любопытства Башир.

– Да нечего рассказывать, – удрученно продолжал Маймаков, нервно затягиваясь сигаретой. – Даже потискать не дала...

Завистливый Башир, стараясь казаться сочувствующим, облегченно переводил дух и, чтобы не обидеть друга, успокоительно произносил:

¹ Маймак – разиня, простофиля.

– Ну, ничего... В следующий раз повезет.

А в следующий раз, когда Маймаков возвращался со свидания уже с другой пассией в прекрасном настроении, улыбаясь до ушей, Башир, предчувствуя неприязнь, ждал очередного рассказа и заранее хмурился.

– Эта, чувак, скажу тебе, классная девка, целуется взапрос, дала сиськи полапать...

– Да она просто шлюха! – не вытерпев такой муки, яростно кричал Башир, который еще не только ни разу не целовался, но даже немел и деревенел в присутствии понравившейся ему девочки.

Они были прямой противоположностью друг другу, что, однако, не мешало им дружить и после школы. Маймаков обладал привлекательной внешностью, приятно улыбался, и эта улыбка располагала к нему многих и впоследствии помогала ему добиваться в жизни поставленных целей. А цели он ставил постоянно, и постоянно, планомерно и терпеливо добивался их. Башир же, как был в детстве недотепой и размазней, так и остался, и постепенно становился все более бездеятельным, ленивым, не желая ставить никаких целей и добиваться их, а желая только плыть по течению жизни, не понимая и даже не думая, куда это течение его прильет. Теперь Маймаков, уже занятый своими личными важными делами, как и прежде, временами старался направлять его, брал над ним добровольное шефство. Они оба учились на историческом факультете университета, и Башир, казалось, учился из последних сил, такой у него был вид – сонный, вялый, апатичный, такая была внешность. Эти двое друзей были абсолютно разные, ничуть не похожие, и можно было подумать, что один из них забрал энергию и жизнерадостность другого, оставив ему равнодушие и безразличие ко всему, что их окружало. Что ж, в жизни это бывает, многое переходит в свою противоположность, становится совершенно неузнаваемым, и люди очень разные по характеру, интеллекту, мировоззрению сходятся и дружат долгие годы, дополняя друг друга, становясь своеобразным тандемом. Мать Башира иногда, когда заходил к ним в гости друг сына, просила поучить его уму-разуму, потому как он у неё один, растила она сына без отца, в результате чего чадо не получило должного мужского воспитания, и Маймаков старался как мог хоть немного перевоспитать, взбодрить, вразумлять товарища, учил его пробиваться в жизни, однако каждый раз убеждаясь, что ученик у него бездарный, но тем не менее не отступая от поставленной перед собой задачи, как он обычно и привык не отступать и добиваться своего. Маймаков стал успешным бизнесменом и поменял фамилию на Зильберштейн. Это была фамилия жены двоюродного брата матери, и Маймаков, преодолев небольшие формальности при помощи американских президентов, опечатанных на зеленых бумажках, стал Зильберштейном, не отказываясь, однако, от своей национальности и порождая несусветную неразбериху в паспортном столе Министерства внутренних дел. С этого дня у Маймакова-Зильберштейна дела пошли еще лучше. Кстати, когда порой довольно часто спрашивали у него, почему он, уже будучи в зрелом возрасте, не поменяет такую нелепую, абсолютно не соответствующую его характеру фамилию, он отвечал традиционной фразой:

– Не фамилия красит человека...

Сам же, если честно, никогда не думал об этом, не это было для него главным в жизни: люди с прекрасными звучными фамилиями много раз доказывали ему свое ничтожество и неумение жить.

Это я вам так коротко рассказываю, чтобы не утомлять, будто я не знаю, какое у вас отношение к литературе – романы Толстого и Достоевского в коротком пересказе содержания читаете, болваны... ладно, ладно... Не надо возражать, кому-нибудь другому вешайте эту хрень...

Деятельность... Черт возьми, называть его по двойной фамилии каждый раз, это слишком длинно... Да у него же есть имя! Вспомнил: Эльнур! Так вот, деятель-

ность бизнесмена Эльнура Маймакова-Зильберштейна (каково?!) охватывала многие отрасли торговли, приносящие явную и неоспоримую прибыль, талант у него прорезался, как зуб мудрости у детей, вот не было, а теперь есть... Но не все, конечно, так просто. Отметив свое тридцатилетие, юбилей, проведенный в домашних условиях и прошедший достаточно тоскливо и убого как по содержанию, так и по исполнению, Эльнур, проведив гостей, присел у окна и тяжело задумался. Он видел из окна своей квартирки на первом этаже, как его хмельные гости, очень довольные тем, что наелись, напились и наговорились, шли по улице, шатаясь и громко споря о чем-то, видел своего друга, засыпающего на ходу Башира, как он еле волочил ноги, будто весь вечер камни таскал, смотрел, смотрел... и ему сделалось тошно. Он понял, что дальше так жить невозможно. Страна, в которой он сейчас пребывал, отринула прежнюю свою сущность и постепенно переходила на новый строй, и этот новый строй, к которому стремилось (пока не очень-то спеша) общество, был не нов, а таким же, как во всем мире, и так же, как во всем мире, в этом, родном ему, но кардинально изменившемся обществе признавали только деньги, силу, власть. И Эльнур вдруг ясно и ярко – как вспышка в мозгу – осознал, что если он не хочет застрять и потеряться в прошлом среди Баширов и ему подобных, он должен действовать. Должен трудиться и добиваться, теперь уже на более высоком уровне, должен приложить и направить свою энергию в нужное – приносящее прибыль и известность – русло. Бойкость и деловые качества Эльнура до сих пор работали как-то не рационально, не эффективно, не целенаправленно, эти качества не давали главного результата – прибыли; он мог достать что-то редкое, дефицитное, мог устроить вечер памяти, непрофессионально, но достаточно умело отрежиссировать презентацию песни, книги, достать билеты на гастролирующую оперную диву, но все это и многое другое обычно – за спасибо. Теперь надо было в корне менять умение приспособливаться, доставать, пробивать, нравиться, менять и выходить на более деловой и более высокий уровень, и энергию следовало направить на умение добиваться прибыли во всем и всегда, потому как это – веление времени, изменившегося времени, диктующего свою волю времени. Ушли безвозвратно те дни, когда можно было бить баклуши на работе, получая соответствующую – за эти самые баклуши – зарплату... Все изменилось, и требуется измениться и мне, – думал Эльнур. Он всю ночь не спал, сидел у окна, выходящего на кривую заброшенную улочку с кучей вонючего мусора у забора напротив, на котором огромная надпись мелом умоляла не бросать сюда мусор, и все ему казалось, что видит он расплывающуюся в предрассветном тумане шатающуюся фигуру своего незадачливого друга, а рядом с ним – себя, чему-то улыбающегося расслабленной улыбкой идиота... Он вздрогнул, встал и отошел от окна.

Ну, конечно, не все было просто, напротив – все было непросто, пришлось поучиться у более опытных деловых людей, дельцов, бизнесменов, войти к ним в доверие, постепенно стать для них необходимым человеком, приходиться в бизнес с новыми яркими идеями, даже если их у него воровали и присваивали более сильные партнеры; и постепенно Эльнур приобрел влиятельных, богатых компаньонов, вместе с которыми стал рваться все выше и выше и хватать все больше и больше. Однако, не забывал при этом и старого друга, хотя опять же, повторюсь, в последние месяцы они пересекались все реже, порой изредка перезванивались... Но детские и юношеские годы оставляют неизгладимый след в нашей жизни, и чем натура человека тоньше и чувствительнее, тем след более неизгладимей. Эльнур был натурой творческой, отсюда и рождение новых, иногда просто блестящих идей, продвигавших бизнес, что многие миллионеры с заскорузлыми, давно не вентилируемыми мозгами (потому как большие деньги в основном прибежали к ним по старым, хорошо знакомым извилистым тропинкам взяток, порой вымогательства) очень ценили чужие идеи и свои денежки, так как и то, и другое вместе приносило большие барыши; так что Эльнур с самого начала своей деятельности в среде воротил-миллионеров пришелся

ко двору. Как говорили классики: деньги ваши, идеи наши. Хотя так они говорили, кажется, про бензин, а не про деньги... Ну, неважно.

Несмотря на то, что жизнь постепенно разводила друзей в разные стороны, Эльнур все же пытался заботиться о друге, который к тому времени уже похоронил вечно тревожившуюся о его будущем мать и уже был обременен семьей в лице жены и получал хорошую, но маленькую зарплату. Для начала, он устроил его в один из своих бутиков старшим менеджером. Но диковатый, оторванный от деловой жизни и приличного общества Башир не прижился на хлебном месте, смотрел почему-то волком на потенциальных покупателей, пахнувших дорогими духами, его неоправданно хмурый взгляд, разговор с посетителями сквозь зубы, отталкивали клиентов. Нет, не прижился. Следующий добрый жест со стороны Эльнура был несколько непродуманным, импульсивным, продиктованным эмоциями, а не умом: он взял Башира к себе в офис секретарем. После двух дней работы, стало ясно, что этот приятель может доставить кучу проблем, которые впоследствии придется исправлять, разгребать, расхлебывать самому шефу, то есть Эльнуру. Снизили Башира до должности шофера успешного бизнесмена и друга, с хорошим, кстати, далеко не шоферским окладом. Через неделю разбил машину – опаздывая, превысил скорость, потому что подбросил свою жену до работы и торопился заехать за шефом домой, чтобы отвезти его в офис на важное совещание, в результате – проскочил на красный свет и врезался в дорогой «Хаммер», что сулило дополнительные неприятности и лишние хлопоты и так сверх головы занятому боссу.

– Не везет мне, Эльнур... – вяло мямлил Башир. – Видно не судьба мне у тебя работать.

Кончилось тем, что друг устроил его обратно, туда же, откуда взял – в музей литературы, где Баширу было комфортно, но голодно. Однако Эльнур и тут не забывал друга юности (он убедил себя, что успех его каким-то образом связан с Баширом, это был его живой талисман, и может быть, судьба одарила его всяческими материальными благами, отняв их у его друга, может, отчасти за счет Башира он и взлетел так высоко; везде в жизни наблюдалось равновесие, и он верил этому) подкидывал ему время от времени денежку, и чтобы щепетильный и церемонный Башир не обиделся, подарки свои Эльнур пристегивал к датам: день рождения, новый год, день рождения жены, день конституции, день учителя, день ученика, международный день музеев, день шахтера и так далее...

И вот этот непостижимый сон... Причем, обоим сразу. Как вам это нравится? Поистине, есть многое на свете, друг Гораций...

«Что же теперь будет? – тревожно думал суеверный Башир после телефонного разговора с Маймаковым-Зильберштейном. – Это неспроста...»

Эльнур же, привычно заваленный срочными делами, которые следовало оперативно решать, сразу забыл и свой странный троекратный сон и разговор с Баширом, махнул рукой, как делал со всем, что выходило за рамки его бизнеса и деловых связей, хотя время от времени в коротких паузах его пощипывало, покусывало, покалывало в сердце тревожное ощущение.

Но судьба не зря посылает свои уведомления, а тем более – трижды, а тем более – в двух экземплярах...

Однако пора нам поближе познакомиться с этим шустриком и везунком – Баширом.

Когда Башир родился, все ожидали, что он тут же закричит, как нормальный новорожденный, вынужденный покинуть привычную теплую и влажную среду и выйти в этот холодный незнакомый страшный мир, однако малыш не торопился подавать признаки жизни и все морщился, кривился, всячески показывая свое недовольство тем, что его заставили покинуть привычное место обитания. Прошло пять минут... потом десять... Малыш упорно молчал, строго поглядывая на побеспокоив-

ших... Все ждали. Медперсонал родильного дома, собравшись вокруг роженицы, недоумевал. Пошлепали по попке... Презрительное молчание. Молодая мать в тревоге, забрасывает вопросами растерянного врача. Молодой врач, страдающий неуместным остроумием, очень хотел пошутить расхожей фразой из американских боевиков, когда главного героя пытаются, а он молчит: «Он ничего не скажет», и фраза уже была на кончике языка, когда, наконец, этот заторможенный младенец исторгнул крик, довольно, между прочим, вялый, как бы выполняя свой не очень приятный долг, от которого никуда не деться: вы этого ждали? Нате, подавитесь...

Заторможенность осталась с ним надолго – Башир всегда опаздывал, шнурки ботинок завязывал по полчаса, потом медленно, по-стариковски распрямлялся; если посылали его в булочную за хлебом, он пропадал так надолго, что за это время можно было испечь этот самый хлеб в пекарне, отправить его в магазин, и уже из магазина вручить Баширу. Где бы он ни появлялся, слетались и кружили над ним вороны, громко, сердито каркая, будто стараясь загнать его обратно домой, чтобы не мозолил их вороньи глаза тут...

Они жили в маленьком старом дворике вместе с восемью семьями и одним туалетом во дворе с дощатой ненадежной дверью, и когда Башир по утрам до школы входил в этот туалет, соседи скрипели зубами и заранее занимали очередь, крича из окон: «Я – за Баширом!». Если кто-то из соседей отправлялся в булочную за хлебом, он брал хлеба на всех, кто просил, не доверяли только Баширу. Ну и так далее. Отец его развелся с матерью после долгих, частых, все возраставших семейных скандалов, когда Баширу было шесть лет, и одной из причин развода был заторможенный сын, которого в последнее время он видеть не мог. Так и жили. Первое время мать водила сына в школу, хотя школа находилась через улицу от дома, тянула сонного Башира за руку, вталкивала в школу, потом, как мы знаем, шефство над ним взял соседский мальчик-одноклассник Маймаков Эльнур.

Вот такое у него, Башира было детство; подзатыльники сыпались на него со всех сторон, и со стороны сверстников, порой даже мальчишек младше него (что само по себе редкость среди детей и подростков) и со стороны взрослых, не сыпались только со стороны Маймакова. Башир терпеливо сносил все обиды и рукоприкладства и, казалось, чем больше его обижали и тузили, тем больше его клонило в сон. Он ни с кем из детей не сходил близко, и как только взрослые начинали с ним говорить о чем-то, (особенно на воспитательные темы) на лице его появлялось скучающее выражение, он отворачивался и, казалось, еле сдерживал зевоту. Вот таким он рос, и юность его ненамного отличалась от детства, и, попав в Университет на специальность, где не было никакого конкурса (а напротив, предполагался недобор абитуриентов, что и случилось), Башир, благодаря предэкзаменационной зубрежке, стал в один ряд с остальными студентами, но с первого же взгляда очень отличался в этом ряду, выделялся не в лучшую сторону. Но и тут рядом оказался шустрый друг Маймаков Эльнур, подставлявший свое плечо в ситуациях, когда заторможенному приятелю приходилось туго. Для Эльнура шефство над Баширом и постоянная защита его были продиктованы в какой-то мере, как говорится, спортивным интересом – он любил преодолевать трудности, испытывать себя на прочность на каждом шагу в жизни, и преодолевая чувствовать глубокое удовлетворение, ощущать внутреннюю силу, а с таким приятелем, как Башир, трудности возникали постоянно. Так, засыпая и просыпаясь на ходу, Башир все-таки окончил Университет, получил диплом и стал стараться (старался он тоже вяло, опустив руки) устроиться на работу, жалясь встречным и поперечным, что хорошую работу найти сейчас нелегко. В те годы, когда два приятеля получили дипломы, на работу посылали по распределению, и «везунку» Баширу попался такой дальний район и в этом районе такая дальняя деревня, о которой он никогда и не слышал, впрочем, он мало о чем слышал. Но тут его мама, всю жизнь проработавшая медсестрой в больнице и нажившая много влиятельных женщин-дру-

зей (жен влиятельных мужей), которым делала уколы, массажи, ставила капельницы и прочее, задействовала свои связи, и сына оставили в городе, в Баку и даже устроили на не пыльную работу, а именно – в музей литературы, где он засыпал теперь над манускриптами, вяло, лениво, будто из него клещами тянули, цитировал великих азербайджанских поэтов, мало что запоминая. Нет, с такой работой и с такой зарплатой жениться категорически не рекомендовалось. Но Башир не слушал никаких рекомендаций и женился: опять же мама подсуетилась, боясь, что оставит своего недоумка одного после того, как покинет сей мир и некому будет о чаде побеспокоиться... Девушка Нигяр работала медсестрой вместе с матерью Башира в хирургическом отделении центральной городской больницы; присмотревшись к ней повнимательнее, мать решила, что – подойдет: скромная девушка из приличной, но небогатой семьи, возраст на выданье, ровесница сыну... Башир познакомился, преодолевая косноязычие, с милой девушкой, стал встречаться с ней, походил в кино, погулял по бульвару, посидел с ней в кафе, и пришел к вполне логическому финалу – женился. Мама Башира, которая все еще неплохо зарабатывала на своих левых пациентках, помогала единственному чаду и его жене, помогала, пока была жива и здорова.

Надо сказать, что Эльнур Маймаков, лишний раз подтверждая свою абсолютную непохожесть на друга, в отличие от Башира, ... и так и не женился никогда, а вел разгульную жизнь, любил гулянуть, переспать с чужими женами, пировать с друзьями, но и разум, как говорится, не терял, всегда с царем в голове, всегда готовый остановиться, если этого требует важное дело, твердо усвоив мудрую поговорку: делу время, потехе час.

Вернемся, однако, к троекратному знаку судьбы, то бишь сну в двух экземплярах: экземпляр для Маймакова, экземпляр для Башира. Вернемся... если, конечно, вы не устали... а то знаю я вас, любителей кратких аннотаций из классики... Ладно, ладно, нечего...

Существует такая расхожая истина: у любого миллионера первый миллион нажит нечестным трудом. Маймаков был не совсем миллионером, ну, может, скажем так – начинающим миллионером, и бутиками он владел не единолично, а на паях с бывшим министром (не скажу чего), который привлек его в компаньоны именно благодаря находчивости Эльнура, благодаря тому, что он мог выдавать интересные, прибыльные идеи, мог успешно контролировать и продвигать бизнес. И благодарный Эльнур Маймаков-Зильберштейн постепенно обогащался, зарабатывал, хапал с нарастающим аппетитом, порой чуть-чуть, на шажок-другой преступал законы, зная, что его прикроет влиятельная «крыша» в лице министра, одним словом – жил и давал жить другим. В этом высказывании, кстати, кроется истина: Эльнур в их совместном бизнесе открыл около сорока рабочих мест, преимущественно женских рабочих мест, и одновременно не забывал попользоваться некоторыми из этих девушек, что по-красивее и поговорчивее. Одним словом, жил-поживал, грех жаловаться, ездил на новеньком «Лексусе», жил в престижном районе в шикарной квартире. Нет, все было законно, легально, с небольшими зигзагами в сторону нелегальности и незаконности, которые пока что успешно прикрывал господин министр (не скажу чего). Но вот господин министр (не скажу чего) пошатнулся, проштрафился, прокололся. А все, благодаря своему доброму отношению к друзьям. Нет, Маймаков тут ни при чем. А был у господина министра друг детства (тоже детства, такой, видите ли, сентиментальный, верный другбе человек) которого он взял к себе в министерство на ключевую позицию, и вот тот друг, тот мальчиш-плохиш постепенно вышел из-под контроля доверчивого министра, распоясался, обнаглел, охамел, стал, как говорил классик – «не по чину брать», вытворял бог знает что, хапал направо-налево, точнее – и справа и слева, как перед страшным судом, и дохапался до того, что был уличен и привлечен, вышел из кабинета в наручниках в сопровождении двоих в штатском (один – с конвертом в руках, где имелись помеченные купюры и на них – отпечатки пальцев

прожорливого друга министра)... И потянулась ниточка, потяну-у-у-ла-а-ась и дотянулась до господина министра (не скажу чего), а тут еще и бутики его в центре города, мозолящие глаза завистникам, и виллы на берегу моря, и еще – на берегу другого, не нашего моря, и ряд известных крупных маркетов, и много еще чего всплыло со дна мутной водицы... Пошатнулся компаньон, ох, пошатнулся...

И, естественно, стали копать и около стоящих, рядом имеющихся, докопались до подозрительного индивида со странной двойной фамилией Маймаков-Зильберштейн, и в результате этих копаний и расследований и дорогие бутики, имеющиеся в наличии, и некоторые другие более мелкие объекты в виде кафе и маленьких мини-маркетов исчезли, будто и не существовали никогда, как корова языком слизала. Исчезли они для Маймакова и его босса, но в природе как известно ничего не исчезает бесследно, а только из одного состояния переходит в другое, вот и все прибыли от этих объектов и сами объекты и перешли в другие руки... Остался наш Маймаков у разбитого корыта, но кое-что удалось сохранить на черный день. Временно он опустил руки, возникла даже неизвестная доселе депрессия в легкой форме, когда не хотелось ничего делать, а только лежать и смотреть в потолок. Он теперь подумывал, не сменить ли фамилию обратно, как она была в первоизданном виде, потому как, – горько размышлял Эльнур, – сейчас старая вполне соответствует его теперешнему бедственному, несчастному положению... Дружья и приятели, с которыми часто прожигал жизнь потерпевший, посочувствовали и отошли подальше. Остался один Башир. Эльнур продал свою шикарную пятикомнатную квартиру (куда теперь мне одному в пяти комнатах, – горько сетовал он), продал «Лексус», купил маленькую квартирку уже не в центре города и маленький «Фольксваген», сэкономив на этом весьма ощутимые для его теперешнего состояния деньги. Но вот Башир... Странное что-то произошло с ним, непонятное, уму непостижимое...

И вновь наступила весна, тревожа и беспокоя, отнимая сон. Полопались почки на деревьях, запахло плотью от проходивших мимо молодых девственниц, подул теплый, беременный от солнца ветер... Башира охватило необъяснимое, смутное состояние, беспричинная тревога и дрожь охватили его, он временами весь трясся и снаружи и изнутри, и телом и душой,... и не понимал, что с ним такое происходит, но когда это состояние проходило, он ощущал в себе что-то новое, рождение чего-то еще не названного, непонятного... и что-то чудесное, непостижимое произошло с ним (и нечего вам удивляться: много ли постижимого, объяснимого в нашей жизни? Жизнь и состоит из непостижимого, только мы не придаем значения, стараемся не видеть, не замечать, испуганно прячем голову в песок, привычные к своим будням. Непостижимое пугает нас. А ведь жизнь сама и есть непостижимое чудо).

На кое-какие деньжонки, оставшиеся в заглазнике про черный день, Эльнур приобрел небольшой продуктовый магазин и, угнетаемый апатией ко всему окружающему, поручил его Баширу, потому что ему вдруг стало совершенно безразлично, что сделает с его новым объектом друг детства. А у Башира, как видно, открылось второе дыхание, чего не наблюдалось за всю его жизнь. Его потрясла печальная метоморфоза, происшедшая с другом, он вдруг, в одночасье почувствовал в себе небывалую энергию, которая спала, спала и выпалась наконец-то, почувствовал энергию и ответственность. Немало способствовала этому и супруга его Нигяр, которой надоело, наконец, жить в подвешенном состоянии, не то нормально живут, не то не очень, не то имеют все необходимое, не то не очень имеют, и она постоянно в последнее время толкала, тянула, пинала мужа, указывая пути приобретения.

– У нас теперь есть только мы, – говорил Башир, сверкая глазами на сонно поглядывавшего на него Эльнура. – Надеяться надо только на самих себя...

– Да? – спрашивал Эльнур. – Это фраза, кажется, из какого-то фильма... Ну и что дальше?

– Увидишь, – загадочно отвечал Башир.

Он преобразился, ощущал себя другим человеком, словно энергия, таившаяся в нем долгие годы и не нашедшая применения, именно сейчас, скопившись до своей критической массы, взорвалась, наполнив его иным содержанием, сделав из него, Башира, совершенно другого человека, и именно сейчас, когда его другу потребовалась помощь, которую никто, кроме него, Башира, оказать ему не мог, потому что у него, Маймакова, и не было никого настоящего рядом, а были только приятели, умевшие разделять только приятное, весело проводившие время в кутежах за его счет, но не желавшие разделять с ним его проблемы. Башир помнил и никогда не забывал, как много в свое время сделал для него друг.

И теперь он горячо взялся за дело, стал изучать тонкости торговли, привлек к бизнесу жену, которая порой давала весьма неглупые советы, так как дружила с деловыми дамами, так называемыми бизнес-леди, и от них нахваталась; продумывал возможности получения крупной прибыли и расширения их совместного маленького бизнеса. Жена не только подавала советы, но и активно участвовала. Через непродолжительное время он увеличил дворовый магазинчик, услугами которого пользовались преимущественно жильцы двух новостроек, и довел его возможности до такого магазина, который стал постепенно необходим всему кварталу, нашел более удобное и выгодное место для еще одного, нового магазина, еще больше заинтересовал своих работников, продавцов, прибавив им зарплату, и вскоре маркеты заработали в полную силу, а чистая прибыль, что они приносили, увеличилась почти втрое.

Маймаков пока равнодушно наблюдал, как его друг день и ночь трудится (как муравей), чтобы вернуть ему утерянное финансовое благополучие и независимость, а заодно и самому восстать из пепла. Давно была заброшена тихая работа в музее литературы, Башир весь отдался бизнесу и родившемуся в нем новому деловому человеку, бизнесмену. Он уже подумывал об открытии еще одного, нового мини-маркета на соседней оживленной улице, и поделился далеко идущими планами со своим равнодушным другом, всячески стараясь расшевелить его, вернуть прежнего энергичного, трудолюбивого, щедрого на новшества и интересные идеи Маймакова, но тот пока помалкивал, лежа на диване и отворачиваясь от Башира, когда он слишком уж настойчиво домогался.

Новый Башир пришелся очень по вкусу семье, состоявшей по-прежнему из одной жены, не привыкшей к хорошим заработкам. Семья, состоявшая из одной жены и одного Башира, воспряла. Жена стала требовать то, о чем раньше и мечтать не смела с их с мужем скудным жалованьем. Но Башир понимал, что еще не время сорить деньгами, и вообще был категорически против подобных вредных чудачеств; новоявленный бизнесмен в нем говорил, что деньги должны работать и приносить еще большую прибыль, пока они не достигли своей критической вершины, на которой можно было бы расслабиться и когда можно было позволить себе многое.

Маймаков наконец вышел из своей легкой депрессии и подключился к их общей с Баширом работе. Деятельная в прежние дни до разразившейся катастрофы его натура, все это время прикрывавшаяся безразличием к происходящему вокруг него, все-таки грызла его изнутри и догрызла до того, что он взял себя в руки, причем в обе сразу, окрепшие, соскучившиеся по работе руки, и окунулся, куда надо. А куда надо, направлял его Башир. Опыт и бойкий характер Эльнура, которые постепенно после того, как временно опустелись руки, вернулись к нему, очень пригодились Баширу, ему нужен был близкий человек рядом, добрый советчик, на которого можно было бы опереться и положиться. Но порой, с тревогой приглядываясь к другу, Башир, тем не менее, замечал небольшие странности в поведении Эльнура, резко менявшееся настроение, окунавшее его из бурной деятельности в резко противоположное апатичное состояние, когда он все сваливал на друга, временно отстраняясь от дел, мотивируя это состояние чем-то до смешного непонятным, абсурдным. Однако Баширу от этих метаний друга не было смешно, а было напротив – тревожно.

Торговля, надо сказать, была нелегким занятием для Башира, в этом бизнесе обнаружилось множество тонкостей, о которых он, погружившись в спокойную и беспечную работу в музее, и не подозревал, а теперь приходилось соответствовать, приходилось многому учиться. Кроме того, у малых магазинчиков, у мини-маркетов оказалось немало проверяющих инспекторов – от пожарной бригады, участкового полицейского до санэпиднадзора, и всех их надо было не обидеть, не отпускать с пустыми руками, встречать с подарками и провожать с улыбкой, если хочешь выжить в этом мире искривленного, перевернутого с ног на голову бизнеса.

Как-то сидели они вдвоем в небольшом уютном кафе, куда повадилась ходить молодежь, сидели, пили пиво, хрустели чипсами. Маймаков сказал:

– Мне нравится это кафе. Чувствуешь себя молодым.

– А мы еще не старики, – сказал Башир. – И не нужно сидеть среди молодежи для того, чтобы чувствовать себя молодым. Правда? Мы еще покажем себя, дружище. Правда?

Маймаков посмотрел на друга и улыбнулся своей мягкой, располагающей улыбкой, помолчал, потом проговорил:

– Я в последнее время жалею, что не научился играть на скрипке. Из меня вышел бы неплохой скрипач. А на что я потратил свою жизнь?

Башир, не понимая, взглянул на него.

– Ты очень правильно потратил свою жизнь. Многого добился. Не твоя вина, что не повезло, сорвалось... Со всяким бывает... И ты еще не закончил тратить свою жизнь. Многого еще впереди, дружище...

– Как ты думаешь, я могу научиться играть на скрипке?

Башир, скрывая беспокойство, взглянул в лицо друга, задержал взгляд.

– Нет, не думай, – сказал Маймаков. – Со мной все в порядке. – Он помолчал и после паузы продолжил. – Мне кажется, я все эти годы занимался не своим делом. Это меня беспокоит, даже гложет, мне кажется, я потерял свое время, не правильно его потратил, растратил...

– Потому, что не научился играть на скрипке?

– Не смейся.

– И не думал. Просто спросил.

– Человек должен посвятить какому-то делу... любимому делу – свою душу... а не умение обманывать, приспосабливаться, наживать, кормить этих паразитов, насекомых, живущих на чужой счет... Я свою душу не посвящал ничему, не радовал... Она спала. А ведь она есть, и она требует, чтобы ты обращал на нее внимание, не то захиреет, пропадет, покинет тебя... Ты меня понимаешь?

– Да, – не сразу ответил Башир. – Но ведь так, как мы с тобой, живут миллионы и миллионы людей, думаешь, они все живут неправильно?

– Конечно, неправильно. Чтобы жить правильно,... нужна смелость... прежде всего. И многое другое.

– Ну, я не знаю... К чему нам такие разговоры? Мы простые люди, которые стараются наладить свою жизнь...

– Да, ты прав, – несколько осуждающе покачав головой, проговорил Эльнур. – Думать об этом не рекомендуется. Нельзя копаться в себе, а вдруг, не дай Бог, обнаружится совесть. И как тогда с ней поладить, как дальше жить? Нет, нет, лучше помалкивать...

– Не понимаю тебя, честное слово... Чем ты недоволен? Хорошее пиво, уютное кафе, погожий денек... Живи этим днем, дружище, не ломай голову...

– Ладно. Я тебе просто так сказал про скрипку, смешно. Недавно смотрел по телевизору концерт знаменитого скрипача Ицхака Перлмана, и вдруг мне стало просто жутко, будто я потратил зря свою жизнь, будто это была моя настоящая профессия, настоящее призвание – играть на скрипке, и я это настоящее профукал... А что? Все-

таки, что ни говори, я ведь наполовину еврей, на лучшую половину, ты не забыл?... Ладно, не смотри так... Как говорится, кто в шестьдесят учится играть, сыграет в гробу. Нет, не в скрипке дело. Я стал оглядываться назад и ужаснулся своей жизни...

– Что же ты в ней нашел ужасного? – стараясь понять друга, спросил Башир. – Что помогал другу, делал добро – и это, по-твоему, ужасно?..

– Нет, не в том дело...

– А в чем? – вглядываясь в лицо друга, спросил Башир, которому на самом деле хотелось узнать, что происходит с Маймаковым. – Нет, дорогой мой, нельзя так падать духом после первой же неудачи...

– После первой? – Эльнур усмехнулся. – Если б ты знал, через сколько неудач мне пришлось пройти, прежде чем ты подключился к нашему общему делу... Нет, – он покачал головой, лицо его сделалось утомленным, набухли круги под глазами, он словно враз постарел. – Зря я затеял этот разговор. Я сам еще в себе не разобрался. Давай поменяем тему...

– Я как начал продолжать твоё дело, так сразу столько трудностей навалилось, ну, ты знаешь, говорил тебе... – тем не менее, несмотря на просьбу друга, не меняя тему, продолжал Башир, – И жулье всякое, и чиновники, кто имеет право вмешиваться в частный бизнес, кто не имеет права, и полиция, и всякие надзоры, и конкуренты, готовые разорвать, но постепенно всему научился, и с твоей помощью тоже, кстати, вытягивал из тебя нужную информацию. Я понял: самое главное – не надо падать духом, надо идти вперед...

– В том-то и дело, когда стремительно шагая вперед и все вперед, ничего не замечаешь по дороге, и когда, наконец, дойдешь, упруешься в стенку лбом, начинаешь размышлять о никчемности всего, что сделано, о пустячности дороги, по которой шел... Я ведь однажды – и совсем недавно – прошел этот путь. Все это не настоящее.

– А что же настоящее? – машинально спросил Башир, вконец запутавшись и перестав понимать друга.

Эльнур посмотрел на него долгим взглядом и хорошо светло улыбнулся.

– Ты – настоящий, – сказал он. – Ты. Из всех людей ты самый настоящий. Как сказал Шекспир.

– Мне не нравится твоё настроение, – посмотрев другу в глаза, произнес Башир.

– Мне самому не нравится. Но, должен сказать, ничто так не разочаровывает в жизни, как то дело, которым мы занимаемся – торговля, бизнес.

– Почему?

– Ты становишься каким-то... – он помолчал, ища точные слова, и после паузы продолжил, – каким-то... неправильным, что ли... Ущербным. Ведь в человеке, помимо стремления постоянно улучшать свою жизнь, поднимать её на более высокий материальный уровень, уровень комфорта... помимо этого должны быть другие потребности, потребности души.

Маймаков задумался, будто впервые услышал, как звучат эти его слова, Башир внимательно, молча слушал, не перебивая.

– Вот живет человек, – помолчав, проговорил Маймаков, – живет себе, стремится все выше и выше, преодолевает все трудности, зарабатывает, обеспечивает семью, любовниц, посылает детей в самые престижные, дорогие университеты, покупает апартаменты, «роллс-ройсы» и «лексусы», яхты, дома на Багамах и прочее, прочее, фантазия богатых беспредельна... Живет себе, а рядом кто-то живет лучше, потому что богаче... И вот он старается перегнать. Почему у него пятьдесят миллионов, а у меня всего пять? И впрягается в бесконечную гонку, жилы из себя тянет, чтобы стать богаче всех. Живет в роскоши, все проблемы, что можно устранить деньгами, устраняет, живет в холе и неге, и единственное, что непрестанно делает – это

то, что привык делать с самых молодых лет: зарабатывает всеми правдами и неправдами. Неправдами чаще. Зарабатывает, зарабатывает, зарабатывает! Хапает, хапает!

– Не кричи, – проговорил Башир, дотронувшись до руки друга на столешнице.
– На нас смотрят.

– Да, хрен с ними, пусть смотрят! – в сердцах произнес Эльнур. – Да... Живет человек ... Живет, как сыр в масле катается, забыв о душе, что она у него есть, то есть – была когда-то чистая, прозрачная, ждущая, что её хозяин заполнит, напитает её всем тем хорошим духовным, что есть на земле, и теперь, не дождавись этого, вся заплесневела, вся скукожилась его чистая душа, о которой он позабыл в погоне за прибылью, за усадями жизни... Но вот приходит пора умирать, ведь это так естественно, все умирают, даже Рокфеллеры, короли и президенты, но как же отказаться от такой сладкой жизни, как же ему плохо умирать, как ему не хочется... Нет, все-таки, чтобы жить хорошо, нормально хорошо, надо жить немножко плохо, чтобы не обидно было покидать эту жизнь.

– К чему вся эта лекция? Считаешь, нам тоже угрожает стать миллиардерами?

– Неважно. Считаю, что сам путь обманчивый, ложный, ступив на этот путь, предаешь себя, свою душу, а это ничем потом не окупается.

– Ты слишком драматизируешь. Можно быть богатым и заниматься благотворительностью, вот тебе и пища для души. Да и потом, вряд ли мы сможем подняться до таких материальных высот, когда наши капиталы будут командовать нами.

– Скорее всего, ты прав... Но дорога к этим высотам, по которой мы идем, этот путь ведет нас не туда, заводит в тупик.

Башир посмотрел на друга и шутливо произнес:

– Ладно, я куплю тебе скрипку.

– Я не о скрипке говорю... Но в общем-то, я здоров, чего ты и добивался узнать, постоянно присматриваясь ко мне, здоров и буду помогать тебе, но не жди от меня, что я вторично полезу под этот груз, теперь это твой бизнес. А я так... погулять вышел...

На том и порешили. Башир с удвоенной энергией впрягся в ярмо, ибо торговля, этот бизнес ему и представлялся ярмом, но, твердо усвоив, что теперь для него назад дороги нет и надо идти только вперед, а если понадобится, и напролом, он понимал, что позади оставлена оскорбительная, унижительная для мужчины работа в сонной атмосфере музея и что туда, или же – в нечто подобное он уже не вернется никогда, потому что – смерти подобно. В магазинах, которыми он руководил и где поначалу приходилось бывать безвылазно, на первых порах ему с его мрачным, замкнутым характером труднее всего было беспричинно улыбаться посетителям, это было не в его характере: улыбаться незнакомым людям...

– Посмотри на японцев, – наставляла его жена, – поучись у них. Они вечно улыбаются. Просто надо настроить себя, не видеть в чужих людях исключительно недоброжелателей, врагов...

Он намотал на ус слова жены. Попытки постепенно увенчались успехом, и теперь лучезарная улыбка Башира, как будто он провожал тещу из своего дома после длительного пребывания, встречала всех, кто переступал порог его магазинов. Все-таки надо было соответствовать конкуренции, чтобы более общительные соперники не перешагнули через него, не перебили бы у него клиентуру. Это было главное правило, которое усвоил Башир, потом пошло легче. Постоянные покупатели хвалили друг другу хозяина магазина за его добрый нрав, за приветливость, за терпение, с которым Башир, не торопясь, ожидал, когда должники, бравшие продукты в долг, расплатятся с ним, а порой он даже, ласково осведомившись о семейном положении на данный момент, не брал возвращаемые деньги, оставляя до следующего более благоприятного для постоянного покупателя времени. Не оставались в накладе и представитель правоохранительных органов, яростно охранявший права граждан,

представитель инспекционного надзора, пожарная охрана и прочая мелюзга, привыкшая жить за счет других. Всех их Башир встречал и провожал с улыбкой, и постепенно эта волшебная улыбка принесла ему широкую популярность среди покупающей публики, да так, что многие теперь, минуя ближайšie к дому магазины, шли отовариваться именно к нему, Баширу. Конечно, были небольшие стычки и конфликты с конкурентами, которые испытывали ощутимую утечку клиентуры, но тут уж подключалась крыша в лице правоохранительных органов, и конкуренты вынуждены были оставить Башира в покое, даже не начав серьезных разборок с ним. Во многих случаях также подключались и помогали и американские президенты, особенно один из них, а именно – Франклин. Ну, уж без этого никуда, так уж повелось в среде бизнесменов...

Прошло немного времени, и Башир, взнуздав удачу и попав в жилу, став профессионалом в своем бизнесе, замахнулся на более масштабные дела: открыл ряд магазинов и кафе, став напарником некоторых влиятельных лиц, которым самим нельзя было светиться и неловко было всплывать на поверхность подобного бизнеса; то есть шел по той же дорожке, на которой споткнулся его друг Эльнур, потерпевший фиаско, и в результате чего охладевший к своему детищу, развернутому по всем направлениям бизнесу. Но Башир оказался, как ни странно, если вспомнить его детство и юность, более твердым орешком и прочно и надежно застраховал себя от неприятных инцидентов в высших сферах, а именно – имел не одного босса и крышу, а нескольких (не скажу, которых), таким образом – если рухнет столб, столп, гигант, то останется другой, под крышу которого можно было бы перетасщить все хозяйство. Дела, одним словом, процветали, тьфу, тьфу! – дай Бог и нам с вами, и Башир недавно открыл салон красоты в центре города для супруги, которая давно хотела, как и он, заняться чем-нибудь стоящим, а не просто кататься с подругами по благодатным районам республики на своем «Рендровере»??? или («Рендж Ровере»). Одним словом, дела шли, дела поглощали все время Башира и самого его поглощали, так что по ночам жена была не очень довольна тем, что он спит как колода, временами залиvisto храпит, временами дергается, когда снится ему налоговый инспектор. Она изучила все оттенки и тонкости его сна, но от этого ей было не легче, хотелось еще время от времени близких отношений, ночных соитий... Но... разве его добудишься, спит без задних ног. Супружница, надо сказать, была порядочная дама и о замене мужа, забывшего свои супружеские обязанности, и не помышляла, ни-ни, ни боже мой, даже несмотря на заманчивые предложения бойких подруг; ели, пили, путешествовали, веселились, в сауне парились, но... без мужского вторжения.

А по утрам она жаловалась на головную боль, садилась за стол с туго затянутой платком головой, отказывалась есть, ссылаясь на отсутствие аппетита. Башир искоса поглядывал на неё и жаловался на бессонницу, поедая кашкалдака в ореховом соусе.

– Я этой ночью ни минутки не спал, не мог заснуть, – урчал он с набитым ртом. – Опять забыл принять снотворное.

– Ты храпел, как рота солдат, – говорила Нигяр, жена. – Как это у тебя получается: храпеть бодрствуя?

– Ничего не помню, всю ночь снилась всякая хрень, как будто мы поехали в Лас-Вегас и я там проиграл все свои деньги, все магазины, кафе, машины, квартиры, твой салон и твои шубы. Кошмар. А потом пришли насекомые, – сказав это, Башир удрученно замолчал, продолжая, однако, активно пережевывать пищу.

– Пришли насекомые? – не поняла Нигяр.

– Я же говорю тебе, мне каждую ночь снятся кошмары, сам не пойму, что это такое... – проговорил Башир и подозвал собаку (порода – кавалер кинг чарльз спаниель), – Тс-тс-тс, – и сунул ей косточку.

– Не корми Мордашку, сколько я тебе говорила, у неё специальная еда, – устало произнесла Нигяр.

– Ну, еще бы, – проговорил с напускной обидой в голосе Башир. – За собакой уход лучше, чем за мной, мне никто еще не предлагал специальную еду...

– Старый ворчун, повариха только на тебя и работает, – проговорила Нигяр и на этом поставила точку в их утреннем разговоре, потому что поднялась из-за стола, вспомнив массу дел, предстоявших на сегодня.

Получив столь щедрый подарок от мужа (салон красоты, даже не просто салон, а с ценным, скорее – бесценным приложением: очень опытной пожилой и бойкой женщиной-косметологом, которая отлично справлялась и с должностью менеджера и нелегкой работой хозяйственника, и к тому же обладала великолепным шармом и обаянием, привлекавших к ней, как мух на мед, богатеньких дамочек, обожавших выглядеть не по возрасту сексуально, так что хозяйке, а именно Нигяр оставалось только считать прибыль и пребывать в приятельских отношениях с Бэлой, своей незаменимой помощницей), Нигяр бросила основную копеечную работу в больнице, где после процветания мужа оставалась по привычке, только чтобы не бездельничать одной дома, и откуда изначально была взята и засватана за сына матерью вялого, бесхарактерного тогдашнего недотепы Башира, с далеко идущей целью – чтобы было на кого оставить отпрыска после того, как она покинет сей мир... И Нигяр полностью и с великой охотой отдалась интересной и прибыльной профессии, стараясь с помощью бойкого менеджера изучить все тонкости новой работы. Одно только беспокоило старуху – мать Башира: у молодых (а потом уже не очень молодых) не было детей, и, как говорится, по ходу жизни даже коварно помышляла – не найти ли сыну замену, не женить ли по второму разу, разведа с нерожавшей невесткой, но тут как раз (очень некстати для старухи) они полюбили друг друга. Жили-жили нормально и вдруг такое, через годы взяли и влюбились и горячо, страстно полюбили друг друга, чего не наблюдалось в начале их брака, и даже не совсем в начале брака... Одним словом, старуха-мать не дождалась внуков. А так хотелось, ну, ясное дело... А Башир с Нигяр жили в любви и согласии, и когда волей Божьей муж преобразился, проснулся, ожил, расцвел, любовь их тоже еще больше ожила и расцвела...

Ну, тут вроде все в порядке, хотя какой порядок может быть в нашем беспорядочном мире, полном неожиданностей, полном горя, забот, неотвязных болезней, сменяющих друг друга волн пандемии, войн, растущих цен, но в то же время – в мире, полном радости, улыбок, доброжелательства, счастья, что всё еще живы, что живем и любим жизнь. И мысль о ребенке, которая время от времени возникала то у ней, то у него, о ребенке, которого можно было бы взять из приюта совсем маленьким, почти грудным, навязчиво возникала и тут же отодвигалась надеждой на то, что Бог даст им своего, так как не сидели в этом отношении сложа руки, старались, ибо сказано Всевышним: от тебя действие, и Я дарую... Старались, оба охотно и ежедневно, когда оставались еще силы у него после напряженного трудового дня, а то и средь бела дня старались, ходили по врачам, выходили на светила медицинской науки, которые не одну бездетную пару осчастливили, находили известных ворожей, принимали разные снадобья, ходили на паломничество в святые места, вроде перепробовали все...

– Ну, что же Ты, – богохульствуя, сетовала Нигяр. – Ты же говорил: «и Я воздам, дарую», – твердила она про себя, ломая руки, неверно понимая цитату из Библии. – Что же ты забыл про нас?! Забыл, забыл, забыл, обманул!!!

И она заливалась беспомощными слезами.

Но с годами страстное, жгучее желание, преследовавшее её в снах, когда она видела себя, держащую живой розовый комочек, вышедший из её чрева, когда она целовала ножки и попку ребенка, когда тихо и ласково прижимала к своей груди, налитой животворными соками, эту теплую жизнь, это чудо, этот дар небес, что произвела на свет она... это желание постепенно гасло, угасало, теряло жар, теряло тепло... И тем сильнее привязывалась она к мужу, тем крепче, тем больше любила его

теперь уже спокойной, умиротворенной любовью... Но страсть, как в былые годы, порой охватывала её...

– Что с тобой? – спросонок спрашивал Башир, когда она среди ночи будила его страстными поцелуями, прижималась к нему, осыпая поцелуями лицо и плечи, и руки, и волосатую грудь. – Что ты, милая? – кажется, вполне понимая, ласково спрашивал он. – А, Нигушка?..

– Ничего, – говорила она, пряча слезы и отворачиваясь. – Спи...

И работа, напряженная, интересная, порой тяжелая, заставлявшая думать, размышлять, искать пути улучшения бизнеса, занимала почти все их время и у него, и у неё. И она боялась изнуряющих, медленно убивающих мыслей, не связанных с работой...

А как же поживает наш приятель Эльнур Маймаков-Зильберштейн? Мы, кажется, забыли о нем...

Странные вещи стали происходить с Эльнуром (всегда хочется назвать странным то, с чем не сталкивался, что непривычно, столкнувшись с чем невольно хочется воскликнуть: «Не может быть!», но это есть и вполне может быть, независимо от того, хотим мы этого или нет), он отошел от всех дел, был по-прежнему одинок, женщины и приятели, которые не отходили от него ни на шаг, когда он швырял деньгами направо-налево, теперь отошли, и отошли очень далеко и не хотели приближаться, но все же какие-то деньги у него оставались, да и Башир аккуратно посылал толстенькие конверты, но теперь, в отличие от прошлых лет, когда он знал цену презренному металлу, несмотря даже на мотовство и безалаберное расшвыривание, и мог зарабатывать, теперь его будто подменили, он разучился разумно нормально тратить деньги на необходимое и близок был тот день, когда он мог бы остаться без гроша, он терял приносимые и присылаемые Баширом деньги, как ребенок, дарил прохожим, и тратил как сумасшедший, покупая ненужные вещи, а безделье, одиночество, появившиеся в последнее время мнительность и подозрительность, направленная против всех знакомых и незнакомых, постепенно разрушали его нормальную в прошлом жизнь, и легкие приступы депрессии, изредка навещавшие его, сделались чаще и тяжелее. Он был предоставлен самому себе, и близкие соседи, с которыми он прекратил без всякого основания общение, наблюдали у него весьма странные действия: на входной двери своей квартиры он нарисовал масляными красками огромную задницу на потеху детям и, не довольствовавшись этим, приписал неутешительную по своей нескромности надпись: «Пошли в жопу!», а внизу более традиционную: «Прошу не беспокоить», и взрослые соседи были очень недовольны. Его, кстати, никто и не беспокоил, кроме нового участкового полицейского, которому еще не довелось есть из его руки, когда он был на вершине достатка, и потому побеспокоил с удовольствием, пригрозив неприятными последствиями. Но постоянно вторгался в проблемы друга Башир, и все становилось на свои прежние места, все, кроме разительно изменившегося характера Маймакова. Надпись на двери, однако, пришлось закрасить. Слонялся по улицам, как сомнамбула, и стоило ему издали увидеть знакомого, или бывшего приятеля, он, тут же прибавив шаг, уклонялся от возможной встречи, хотя мало кто был ему рад, и тоже старались не встречаться с ним. Но происходило и обратное, и это тоже было очень странно и необъяснимо, когда он сам подходил к шапочно знакомому человеку или вовсе незнакомому прохожему, которого впервые видел, и начинал жаловаться ему, что близкий друг обманул, облапошил его, отнял бизнес и теперь процветает за его счет, а он все потерял... Но, поговорив так несколько минут с изумленным прохожим, он внезапно прерывал себя и, резко повернувшись, быстрым шагом удалялся. По целым дням он лежал на диване и непонятно, о чем думал, но вид у него был думающий. Давно отключили в его квартире неоплаченный интернет, не работал телевизор, за свет приходили квитанции за квитанциями и наконец предупреждение, что тоже отключат, но ничто его не трогало, он не чувствовал необходимости шагать в ногу с со-

временным миром, и постепенно легкая депрессия, изредка навещавшая его, перешла в свою тяжелую форму, когда нельзя было оставлять больного без присмотра, и появилась необходимость госпитализации, чем и занялись близкие сердобольные соседи, вошедшие в его положение.

Башир, заваленный делами, узнал об этом от жены, когда друг оказался уже в психиатрической лечебнице, но и тогда он не сразу среагировал.

– На следующей неделе я проведу его, – обещал он жене.

– Какая следующая неделя! – возмутилась Нигяр. – У него, кроме тебя, никого нет, ни одного близкого человека. Вспомни, как много он сделал для тебя, фактически это он сделал тебя таким крутым бизнесменом, какой ты сейчас... Мы должны немедленно...

– Но ведь я сегодня должен увидаться с министром, он ждет меня через час, – раздраженно, поглядывая на часы, стал оправдываться Башир. – Я же твоим делом и занимаюсь, не забыла? В ста метрах от твоего салона еще один такой же салон красоты, и они недовольны, что ты перебиваешь их клиентуру, и я сегодня с министром должен устранить эту твою – твою! – проблему, потому что этот самый министр и есть крыша твоих конкурентов, или как там их назвать...

– Не надо, – перебила его Нигяр. – Я сама этим займусь...

– Сама?! – искренне удивился Башир. – Каким образом, позволь узнать? Только говори побыстрее, я уже опаздываю...

– Бэла, мой менеджер и твоя бывшая любовница...

– Хватит болтать, говори по делу, – резко перебил он жену.

– Хорошо, по делу... Бэла переманила к нам классного стилиста, уже месяц работает в моем салоне, а вместе с ним перешла к нам и супруга господина Н. ... Ну, знаешь его?

– Еще бы! – Башир был поражен. – Неужели? Я думал, она летает в Париж, когда нужно делать прическу...

– Нет, приходит к нам, в наш салон. И я с ней подружилась. Так что я немного разгрузила тебя, дорогой, – сказала она с довольным видом, будто решила сложную задачу, с которой не справлялся муж, – одной проблемой меньше, занимайся своими делами...

– Хорошо, ты умница, – сказал довольный Башир и поцеловал жену в лоб. – Голова не болит? Ну, мне все равно надо встретиться с министром... А поедем мы к Эльнуру сегодня или завтра, небольшая разница. Кстати, узнай, в какой он больнице...

– В Маштаги... – притихнув, ответила Нигяр. – Но обещай мне...

– Да, да, конечно, – перебил он её, стремительно вышел из дому, и через минуту она увидела в окно, как шофер распахнул перед ним дверцу «Бентли», а помощник, ожидавший возле машины, стал активно отстранять какую-то старую женщину от босса, но, тем не менее, Башир полез в карман и подал купюру ожидавшей его выхода женщине, правда, перед тем он поднял голову и посмотрел в окно своей квартиры, к которому прильнула жена.

Вернулись они из психиатрической больницы в подавленном настроении, несмотря на то, что Эльнур вполне нормально поговорил с ними, поинтересовался делами, и никак нельзя было принять его за душевнобольного, он задавал разумные вопросы, а о себе сообщал кратко, неохотно. Сказал только, что здоров, нормально себя чувствует, и скоро его выпишут, потому что здесь долго не держат...

– Потому что, – прибавил он, как-то хитро ухмыляясь, и Башир вздрогнул, увидев на лице друга незнакомую, никогда за всю их жизнь невиданную злобную и коварную ухмылку. – Потому что, – повторил Эльнур, понизив голос и оглянувшись. – Сумасшедших нельзя вылечить... – и неожиданно, так что Нигяр вздрогнула, захихикал, и хихиканье его перешло в неудержимый, беспричинный громкий хохот, так что санитар, стоявший неподалеку, стал медленно идти в их сторону.

Они покинули Эльнура, но предварительно Башир зашел к главному врачу, весьма тактично передал ему от себя пухлый конверт, раздал деньги обслуживающему персоналу, поручив им позаботиться о друге, чтобы он ни в чем не нуждался. И они уехали по своим делам, в свои жизни. По дороге Нигяр расплакалась. Башир смотрел в окно «Бентли», в пробегающие мимо машины по краям дороги... и ничего не замечал. Он не стал утешать жену, пусть поплачет.

* * *

Прошло два года. Так получилось, что за эти два года ни Башир, ни Нигяр ни разу не виделись с Эльнуром. Первое время после выхода друга из больницы, Башир все-таки при всей своей занятости выкраивал часок и навещал его, и даже два заходил с женой без предварительного звонка, потому что у Эльнура не было телефона ни квартирного, ни мобильного, но неизменно встречая холодный прием и не зная, о чем с ним говорить, он постепенно прекратил свои утомительные, бесполезные визиты, и уже почти забывал старого друга...

Но однажды, спускаясь в подземный переход на центральной улице, Нигяр еще издали услышала вырывавшуюся снизу из перехода чудовищную какофонию звуков, режущих слух. Она поморщилась и решила подняться обратно, перейти улицу в неположенном месте, но что-то смутное её остановило, она спустилась до конца ступеней и увидела Эльнура...

Мир тесен, – скажете вы и не ошибетесь, потому что любите прописные истины, болваны.

Не имея ни слуха, ни мало-мальски умения играть на скрипке, ни музыкального образования, Эльнур, стоя у стены, выпиливал свою ненормальную житуху, как бы поливая грязью прохожих, удивленно оглядывавшихся на него. Чудовищные звуки исторгались словно из нутра неумелого скрипача и терзали слух. Тем не менее, в скрипичном футляре у его ног были видны несколько мелких купюр и монеты. Видимо, прохожие, обладавшие тонким слухом, кидали ему деньги, чтобы он перестал насиловать их тонкий слух.

Нигяр подошла к нему. Он сразу узнал её, на что она не надеялась, и, перестав играть, опустил скрипку. Не дав ей раскрыть рта, он сообщил таинственно:

– Я специально так безобразно играю скрипичный концерт Брамса, чтобы не догадались, – доверительно поделился он с ней своим секретом. – Посмотри, что у меня, – и он взглядом показал на скрипку в опущенной руке, заговорщицким жестом подозвал её поближе и зашептал. – Ведь у меня в руке настоящий Страдивари. Тсс! – тут же предупредительно зашипел он, пугливо оглядываясь. – Никому ни слова. Даже мужу. Особенно мужу. Мужики не могут хранить тайны. Он мне на прошлой неделе приснился, ну, ты поняла... – и так как он замолчал, Нигяр тихо спросила:

– Кто?

– Как кто? – вдруг возмутился Эльнур. – Сам. Страдивари. Он мне и передал скрипку. Вот она. Но никому ни слова. Иди. И молчи. Теперь мне надо играть.

Она хотела вложить ему в карман деньги, все, что было при ней, но он грубо оттолкнул её руку.

Нигяр отошла от него в полном смятении и ночью, рассказывая мужу, горько плакала... поплакала, послушала, как Башир храпит, причмокивая во сне; и тут вспомнила о своем ценном приобретении – супруге высокопоставленного чиновника, с которой подружилась, и сердце её облилось горячей радостью; и еще подумала, что конец апреля, опять весна, и эта весна все еще будоражит ей кровь, хоть и не молода уже, что она любит мужа, и у них все хорошо, и можно поехать на новую дачу, лечь в шезлонг у бассейна и лежать, лежа-а-ать... – подумала обо всем этом, улыбнулась... и уснула, утомленная за день.